

ВЕДОМОСТИ

Статья опубликована в № 3210 от 16.10.2012 под заголовком: Россия в мире: Противоречие противоречий

Сергей Караганов: Противоречие противоречий

16.10.12 02:40 Ведомости Сергей Караганов

В современном, сотканном из противоречий мире есть важнейшее коренное противоречие. Я назвал бы его «противоречием противоречий». Впервые в истории мир стал единым. Настоящее и будущее стран и народов определяют проблемы, носящие по преимуществу глобальный характер: изменение климата, почти повсеместно нарастающий дефицит пресной воды, удорожание продовольствия, нарастающая относительная нехватка многих видов сырья и энергии, вышедшие на мировой простор из-под национального и международного регулирования финансовые потоки, распространение ядерного оружия. Стала по-настоящему глобальной экономика. Инвесторы в переживающей спад Европе с надеждой и страхом смотрят на Китай. Его спад может добить их окончательно. Подъем – вытянуть из болота.

Все эти и многие другие проблемы не могут по определению решаться на национальном или региональном уровнях, требуют глобального наднационального управления. Но, сталкиваясь с глобальным миром, общества бросились к привычному инструменту и опоре – национальному государству, которому еще недавно прочили отмирание. Началась частичная ренационализация мировой политики. Но и государства относительно ослабли, уменьшилась возможность влиять не только на глобальные, но и на внутренние процессы – экономические, экологические, информационные. Которые все больше уходят из-под их контроля.

Ослабление многосторонних организаций

Становится все более очевидным, что современный мир требует глобального управления, «мирового правительства», о котором мечтали либеральные мыслители со времен Просвещения. И которого страшатся мыслители консервативные, столетиями ищущие всемирные еврейские, масонские, американские заговоры и признаки существования этого самого правительства. А его все нет. Хуже того, большинство институтов глобального управления в последние два десятилетия слабеют. Мечты американских реакционных идеалистов 1990-х гг. о наступлении после казавшейся победы в холодной войне «американского века», «однополярного мира» съезжились почти мгновенно – к началу следующего десятилетия.

«Противоречие противоречий» – между глобализацией мира и деглобализацией его управления – создает вакуум управляемости. И он продолжает углубляться относительным ослаблением институтов управления, доставшихся от предыдущей эпохи. ООН давно превратилась в орган, полезный для диалога, но мало приемлемый для решения крупных глобальных проблем. Его Совет Безопасности страдает от падения легитимности. К тому же даже по коренному для него вопросу – управлению и предотвращению кризисов – его часто обходят или извращают полученный мандат. Последний раз это было в Ливии. Созданный одновременно с ООН Международный валютный фонд пытается приспособиться, ограниченно полезен. Но и он страдает от падения легитимности и доверия к нему из-за навязывавшихся им в 1970–1990-х гг. жестко либеральных рецептов «вашингтонского консенсуса», о которых после начала экономического кризиса стыдливо пытаются даже не вспоминать. И от недопредставленности в нем новых экономических игроков. И от явной перепредставленности относительно ослабевших старых – европейцев. Сходные тенденции переживают и большинство других организаций, родившихся после Второй мировой войны.

Но слабеет и большая часть относительно новых. Созданная в 70-х в ответ на энергетический и экономический кризисы тех лет «большая семерка» (G7) ведущих развитых стран того времени сыграла позитивную роль в координации экономической политики. Но к началу следующего тысячелетия, как раз тогда, когда после почти десятилетий ожидания в «семерку» почти полноценно вступила Россия, влияние теперь уже G8 быстро покатило вниз.

Появились новые лидеры, которые не хотели долго ждать. Сама организация превратилась в почти лишенное серьезных обсуждений грандиозное PR-мероприятие.

В 2000-е гг. новые поднимающиеся экономики Бразилии, России, Ливии, Китая, потом Южной Африки создали BRICS. Организация, несмотря на многочисленные негативные прогнозы западных специалистов, не желавших ей успеха, развивается. Преимущественно как политическая, начинающая координировать позиции ее участников по некоторым позициям в других организациях. И увеличивающая политический вес ее членов. Но пока конкретными вопросами BRICS почти не занимается.

Гораздо больше надежды с точки зрения заполнения вакуума управляемости возлагается на G20, неформальную организацию, объединяющую 20 крупнейших экономик мира (на самом деле в G20 входит 19 стран плюс ЕС и далеко не все крупнейшие экономики). G20, созданная в конце 1990-х и превратившаяся в 2008 г. с начала мирового экономического кризиса в саммит глав государств, сыграла явно позитивную роль в предотвращении паники и коллапса мировой экономики. Уже то, что главы государств, представляющих подавляющую часть мирового валового национального продукта и мировой торговли, собрались и советуются друг с другом, оказало успокаивающее влияние. Были созданы или узаконены и некоторые механизмы, облегчающие мониторинг, а значит, и регулирование финансовых рынков.

Но единой политики как не было, так и нет. Тексты, выпускаемые по результатам саммитов, изобилуют взаимоисключающими предложениями, призванными удовлетворить всех. Но не нацеленными на выработку конкретной политики.

Появляется ощущение, что «двадцатка» начала идти по пути «восьмерки» – шуму все больше, конкретных результатов все меньше. Отвечая на обвинения в отсутствии легитимности, стала проводить множество параллельных мероприятий с представителями (нередко самоназначаемыми) общества, неправительственных организаций. Что еще больше отвлекает лидеров от разговоров по существу и усиливает атмосферу PR-карнавала.

Недалек и новый кризис легитимности G20, от которого страдала G8. Как уже говорилось, в G20 представлены далеко не все крупнейшие экономики. Представлен мощный, но слабеющий ЕС, но не представлены другие, пока менее мощные, но набирающие силу региональные группировки.

G20, как и G8 до того, не создает постоянного секретариата, бюрократии, которая была бы заинтересована в развитии организации, демонстрации ее (и своей) эффективности. То есть G20 не становится полноценной международной организацией. А без «утяжеления бюрократией» институты в современном быстро меняющемся мире не выживают. И наоборот, мы имеем немало организаций, которые из-за созданной их бюрократиями инерции существуют, даже уже когда потребности в них исчезли. Один из ярких примеров – НАТО, которое выжило, выдумывая себе иногда даже вредные с точки зрения международной безопасности функции. G20 пока еще не доросла до выполнения полезных функций, которые она могла бы взять на себя, – хоть сколько-нибудь существенное заполнение вакуума управляемости в сфере экономики и финансов. Но уже окружена скептицизмом. Противодействуют ему в мире только десятка два специалистов, профессионально занимающихся организацией и уже этим заинтересованные в ее развитии.

Вопрос о будущем ведущих организаций, призванных заполнить «вакуумы управляемости», важный сам по себе, для России сейчас особенно интересен. В 2013–2014 гг. Москве предстоит принимать и председательствовать на саммитах BRICS, G8 и G20.

Это уникальная возможность по минимуму увеличить международно-политический вес страны. А по максимуму – помочь заполнению углубляющегося мирового «вакуума управляемости».

В уходящем году Россия принимала и председательствовала на форуме АТЭС во Владивостоке. Его проведение дало ощутимый толчок развитию Дальнего Востока. Сам саммит был проведен вполне солидно, но без прорывных идей и в том, что касается решения проблем Тихоокеанского региона, и в том, что касается новой программы развития Забайкалья через его и России экономическую интеграцию в поднимающуюся Азию, ее использования для его подъема. Другие саммиты стоит использовать эффективнее.

Не думаю, что прорыв возможен на саммите BRICS. Организация еще очень молода, носит во многом виртуальный характер. Важно просто наращивать привычки к диалогу и координации позиций, усиливающей позиции всех стран, входящих в организацию.

«Восьмерка» находится в очевидном кризисе. Ей угрожает затухание. Но возможности для ее выгодного для всех оживления есть. И Россия уже может предложить пути повышения ее эффективности. Организация была создана преимущественно как западный клуб для обсуждения и координации экономической политики. С некоторых пор она дрейфует к обсуждению геополитики, вопросов безопасности. Особенно явственным стал этот дрейф в последние годы, когда финансы и экономику стала забирать на себя гораздо более представительная и легитимная в этой сфере «двадцатка».

Старые и новые лидеры

Наверное, стоило бы закрепить эту геополитическую «специализацию», сконцентрировав обсуждение, например, в предельно закрытой и откровенной форме на ситуации на «расширенном Ближнем Востоке», угрожающей дальнейшей дестабилизацией или даже серией войн. Необходимо и понимание, и координация политики по ситуации вокруг Афганистана после неизбежной эвакуации из него всех или подавляющей части натовских войск.

Разумеется, такие, да и другие глобальные вопросы нельзя обсуждать без великих новых держав – Китая и Индии. Их надо приглашать к полноформатному участию. И предлагать им членство в «восьмерке» (тогда уже «десятке») без выставления в

приемной. Которое пытались организовать и которое уже сильно насторожило по крайней мере китайцев. Которые начали заявлять, что им вообще такое членство не нужно. Но оно необходимо всем. Особенно если «восьмерка» («десятка») начнет логично специализироваться на геополитике. Ведь главные «вакуумы безопасности» образуются сейчас в Азии. Самый опасный – на Ближнем Востоке. Менее острый, но имеющий тенденцию к углублению – вокруг Китая. Его усиления объективно боятся соседи. Он, усиливаясь, законно хочет расширить свою сферу безопасности. Что усугубляет эти страхи и уже породило за последние два-три года с десяток микроконфликтов вокруг островов и рифов с труднопроизносимыми названиями, расположенных по его периметру.

В Азии же находятся и все главные потенциальные распространители ядерного оружия и уже перешедшие ядерный порог Пакистан, Индия, Северная Корея, Израиль.

Не меньше усилий требует и развитие, а по минимуму предотвращение затухания «двадцатки». Это стоит делать и через расширение ее мандата, например, на проблему дефицита пресной воды, которую называют самой остроконфликтной экономической, а то и политической проблемой будущего. Правда, будущее это уже наступило. Россия – одна из самых богатых водными ресурсами стран мира могла бы выступить инициатором разработки международной стратегии решения этой проблемы. Попутно мы бы наконец занялись повышением эффективности использования своих водных ресурсов. Пока мы это богатство не растратили.

Но главное в модернизации «двадцатки» – не добавление тех или иных важных вопросов к ее повестке дня, а институализация организации. Создание в дополнение и для замещения ныне действующей чрезвычайно громоздкой и неэффективной системы ее управления постоянного секретариата, бюрократии.

Идея не вызовет немедленных аплодисментов.

Старые государства и их институты (Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – очевидно устаревший клуб развитых держав, тот же МВФ) будут бояться убыстрения потери статуса и позиций. Новые лидеры, те же Китай, Индия, наслаждаясь вновь обретенным после веков подавления Западом полным суверенитетом, будут опасаться его ограничения.

Но глобальная экономика не поддается национальному управлению, скатывается в хаос, требует глобального систематического управления в интересах всех.

Иначе «противоречие противоречий» может взорвать мир и без всякой войны. Или – по минимуму – пустить под откос его развитие.